

зад, вызванными как принципиальными разногласиями, так и чисто субъективными факторами. На рубеже 1882–1883 гг. дело дошло лишь до совместной работы над изданием журнала «Вестник "Народной воли"» за рубежом. Однако и этот проект в полной мере осуществлен не был.

¹⁸ Отсюда начинается текст, опубликованный Л.Г. Дейчем в 1925 г. в 3-м сборнике «Группа "Освобождение труда"».

¹⁹ Автором вычеркнуто слово: «окончательно».

²⁰ В августе 1883 г. Л.А. Тихомиров и М.Н. Ошанина, ведшие за рубежом от имени «Народной воли» переговоры с группой Г.В. Плеханова о соединении, заявили, в противоречие со своими прежними обещаниями, что вопрос о вступлении в «Народную волю» может рассматриваться только индивидуально для каждого, но ни в коем случае – о вступлении «плехановцев» группой. Тогда же Тихомиров выступил решительно против включения Плеханова в редакцию «Вестника "Народной воли"».

²¹ Из этого явствует, что даже после возникновения группы «Освобождение труда» мы все еще признавали наиболее близкими нам народнические кружки. – Прим. Л.Г. Дейча.

²² Конспиративное имя Л.Г. Дейча.

2

П.Б. Аксельрод – Товарищам в Россию («О задачах научно-социалистической литературы»)¹

1883, конец
Цюрих

Товарищи!

Желая содействовать группе «Освобождение труда» в осуществлении принятого ею издания «Библиотеки современного социализма»², вы находите полезным иметь в своем распоряжении более или менее подробные разъяснения, хотя бы только письменные, относительно цели и значения подобного предприятия в настоящий момент. В пользу своего предложения вы ссылаетесь на равнодушие одних к такого рода предприятиям, на сомнения и расспросы других относительно их практического смысла. Признаюсь, с тяжелым чувством принимаюсь я за исполнение вашего желания. В самом деле, не заключается ли печальное предзнаменование для ближайшей судьбы нашего социалистического движения в самом факте необходимости разъяснить нашим так называемым «социалистам» подобные вещи? В результате стольких жертв и героических усилий революционной партии в ее рядах оказывается такой идейный упадок, что не только понимание социализма (никогда, впрочем, не стоявшее у нас высоко), но даже сознание важности такого понимания, самая потребность в нем все более и более исчезают у нашей так называемой «социалистической интеллигенции». То, что составляет насущную потребность для всякого европейского рабочего-социалиста, то, что кажется ему само собой подразумевающимся, требует долгих предварительных разъяснений для нашей интеллигенции!

Немецкие социалисты имеют внутри страны газеты и даже месячные, весьма дельные, обозрения. И все-таки они еще издают за границей специальный орган партии – несмотря на всевозможные бесчисленные провалы на границе при распространении «S[ocial]-D[emokrat]»³ внутри Германии. Что же побуждает их бедняков-рабочих тратить свои гроши и рисковать положением своим и своих семей для такой роскоши? Глубокое сознание важности для социально-политического развития выразить свои идеи и стремления в возможно более

резкой принципиальной и систематической форме. Но и такой орган им кажется недостаточным для вполне последовательной разработки и пропаганды социально-политических тенденций и идей социализма. Поэтому они за границей издают постоянно брошюры и книги, которые, опять-таки, приходится перевозить тайно и распространять тайно. Наша же «социалистическая» *интеллигенция*, которая, кажется, особенно должна бы дорожить своим идейным развитием, с некоторым недоумением почесывает затылок, когда заходит речь о пересмотре и пополнении умственного багажа, составляющего необходимое орудие борьбы для всякой прогрессивной партии, а тем более социалистической.

В этой разнице между отношением западноевропейской *рабочей* интеллигенции и русской социалистической интеллигенции к разработке и пропаганде социализма отражается, по-моему, и разница их культурного уровня и разница классовых инстинктов одной и другой. Культурный человек отличается от дикаря, между прочим, тем, что первый, обыкновенно, из-за интересов минуты не упускает из виду интересы будущего. Чем человек развитее, тем он более способен переноситься в положение других и возвышаться не только над своими узкоэгоистическими интересами, но и над интересами минуты окружающей среды. Вот почему благороднейшие представители высших сословий успели во все времена отказываться от узких, грубо-материалистических тенденций и предрассудков своей среды и становились борцами за угнетенные классы. Поэтому же, с другой стороны, и угнетенные классы, по мере своего культурного социально-политического развития, руководствуются в своей борьбе не только своими узкоклассовыми интересами, но и общечеловеческими, не только узкими соображениями об облегчении своей участи на сегодня, но прежде всего соображениями о проложении путей к всестороннему развитию условий интеллектуального, экономического и политического прогресса. Возвращаясь к рабочей интеллигенции Западной Европы, мы видим, что, агитируя во главе рабочих масс во имя частных улучшений и повседневных вопросов, они ни на минуту, даже при самых трудных обстоятельствах, не теряют из виду основные интересы социализма и условия существования его, хотя бы и не в близком будущем.

Как раз обратное мы видим в нашей интеллигенции: она вечно переходит от одного приема борьбы к другому, из-за вопросов минуты готова забыть окончательно цель движения. Ради *одного* какого-нибудь приема, особенно благоприятствуемого данным моментом, она забывает все те пути, вне которых – не говорю: торжество социализма, хотя бы в далеком будущем, но и обеспечение истинно демократической конституции не мыслимо. Начав с «хождения в народ» без особенного почти плана (что вполне простительно на таком новом пути), она мало-помалу почти совершенно оставила его или, по крайней мере, сильно охладела к этому делу. Провозгласив себя поборниками интернационального социализма, наши революционеры постепенно дошли до славянофильского народничества, развившегося, с одной стороны, в форме «чернопередельчества» и – с другой – «народовольчества». И, в довершение всего, потеряли всякое сознание важности серьезного ознакомления с научными основаниями и развитием социалистического мирозерцания и хотя бы только *теоретической* пропаганды его принципов и вытекающих из него практических путей. Это очень характерно для нашей интеллигенции. Этот процесс ее превращения показывает, что такие вещи, как выработка хотя бы передовых групп среди городских рабочих, с ясным социально-политическим мирозерцанием, в глубине души

ее очень мало интересует. Вполне естественно поэтому ее равнодушие к литературной разработке и пропаганде того учения (социализма), которое представляет собой научное выражение интересов и инстинктивных стремлений рабочих масс. И замечательно, что в то время, как революционные представители интеллигенции некоторых городов доказывали в 1879 г.⁴, что время пропаганды социализма среди рабочих прошло, что, ввиду преследований, книжек читать они не будут, в это самое время остатки разгромленных рабочих кружков жаловались на индифферентизм интеллигенции к их интересам и их умственному развитию, на отсутствие брошюр и книжек для рабочих и т.д. И через несколько дней после повешения матроса Логовенко, рабочие в Одессе, как пряники, расхватывали привезенные из-за границы книжки, а за недостатком последних наша народившаяся рабочая интеллигенция вынуждена была удовлетворяться гектографированными записками, программами и т.д., в которых рабочим разъяснялись идеи социализма и связь его с политической свободой.

Как только у нас народился интеллигентный элемент среди рабочих, так он тотчас же начал проявлять свой интерес к саморазвитию, умственному и политическому. Наша же революционная интеллигенция, имеющая в своем распоряжении хоть легальную, но все-таки обширную литературу, находила, что для рабочих такие вещи только излишняя роскошь. Индифферентная к делу социалистического воспитания передовых элементов рабочего класса, она, естественно, индифферентна и к своей собственной социалистической выработке, так как последняя может иметь для нас значение постольку, поскольку мы заинтересованы в подготовке рабочего класса к сознательной социально-политической деятельности.

Невольно припоминается отношение революционной интеллигенции Германии к этому же делу в 40-х гг. Марксу приходилось обращаться к русским за денежной поддержкой для напечатания своей знаменитой «*Misere de la philosophie*»⁵, и ему приходилось воевать с грубым эмпиризмом большинства тогдашних революционеров, из которых некоторые находили, что он чуть ли не развращает рабочих. Но он отличался от них только тем, что, прекрасно сознавая необходимость борьбы с абсолютизмом, он в то же время считал обязанностью своих революционных собратий не терять из виду «интересов будущего», т.е. подготовку демократической интеллигенции и лучших рабочих к сознательному участию в предстоящем политическом движении. Будущее показало, насколько плодотворны были работы Маркса, Энгельса, Фил[иппа] Беккера, Морица Гесса, – германская социальная демократия есть их умственное детище. Масса же тогдашней демократической интеллигенции Германии, как и следовало ожидать, оказалась впоследствии, в своем громадном большинстве, в ряду их либеральных и даже национал-либеральных противников социализма и пролетариата.

Вы, конечно, удивитесь тому, что я так далеко уклонился от настоящего предмета письма. Но это случилось частью невольно, под влиянием моего пессимистического настроения по отношению к нашей так называемой «социалистической» молодежи, частью, чтобы показать вам, насколько для меня трудно выполнить ваше желание. Заметьте, вам приходится выслушивать сомнения и вопросы не только относительно успеха издания и т.д., но и относительно его *raison d'être*⁶ в самом принципе. Но есть ли вероятность, чтобы элементы, которые в 1883 г. ставят вопросительный знак перед делом организации – рядом с борьбой против абсолютизма, путем систематической пропаганды современ-

ного социализма, есть ли, говорю я, вероятность, чтобы подобные элементы изменили свое мнение под влиянием нескольких письменных разъяснений? Признаюсь, моя энергия пасует перед такой едва ли не сизифовой работой. Впрочем, все вышесказанное мной, хотя и косвенно, относится к сущности вопроса. Попытаюсь, однако, еще специально в немногих пунктах резюмировать наиболее существенные соображения в пользу настоятельности такого литературного предприятия, как «Библиотека современного социализма»*.

I. Мы живем накануне серьезного политического переворота в России. Социалистической интеллигенции придется выступить открыто в прессе, на собраниях, быть может, в парламенте. С чем она выступит? У нее нет никаких твердых точек опоры в ее социально-политических мировоззрениях, нет строго продуманного критерия для оценки окружающих явлений, для понимания реальных требований данной минуты и связи их с условиями дальнейшего развития России вообще и народной партии – в частности. Для того, чтобы сколько-нибудь подготовиться к этому моменту, социалистическим элементам крайне необходимо теперь же серьезно приняться за систематическое выяснение основных понятий современного социализма об общих законах исторического развития, об условиях экономического, социально-политического и умственного прогресса. И в то же время необходимо, руководясь этими же понятиями, подвергнуть беспощадному и всестороннему пересмотру все прошлое и настоящее русских революционеров – их отношение к партиям и элементам русской жизни и особенности самих этих элементов.

II. Прогрессивная роль революционных элементов тем значительнее, чем яснее они умеют отличить *возможное* для осуществления в данную минуту от их окончательной цели, время осуществления которой зависит не столько от доброй воли нескольких самоотверженных друзей народа, сколько от объективных условий развития человечества. Но это умение соразмерять свои *практические* [приемы] с условиями органического развития и с собственными наличными силами русские революционеры могут приобрести, прежде всего, путем ясного сознания ими общих *законов* исторического развития, насколько они выяснены современной социалистической наукой, свободной от всяких иллюзий и утопий. Интенсивность и форма борьбы революционных партий обуславливаются, конечно, в значительной мере характером угнетающей силы и способами ее противодействия революционным стремлениям. Но несомненно также и то, что общий характер освободительного движения и его исторического значения в смысле прогресса находятся в прямой зависимости от степени социально-политического развития угнетенной массы и передовых застрельщиков на поле борьбы за ее интересы.

Я не стану пускаться здесь в дальнейшее развитие этой мысли. Достаточно сравнить средневековые народные движения, современное ирландское движение⁷, отличающееся таким грубо-националистическим характером, и такого рода проявления народного недовольства, как антиеврейские беспорядки в России⁸ и Венгрии; достаточно сравнить все эти движения с новейшими революци-

* О воззрениях ее издателей я здесь касаться не буду, так как обстоятельное изложение их не мыслимо в одном письме, да это и излишне было бы, ввиду появления брошюры Плеханова «Социализм и политическая борьба», [где] воззрения группы «Освобожд[ение] труда» изложены с чрезвычайной ясностью. Кроме того, в предисловиях к брошюрам «Манифест коммунистической партии» и «Наемный труд и капитал» основная точка зрения также намечена в общих чертах.

онными движениями Франции и социально-демократическими Германии, чтобы заметить громадную разницу между освободительными усилиями масс, направляемых социалистически развитым меньшинством, и такими же усилиями угнетенных слоев без широкой принципиальной подкладки.

Некоторые объясняют все ужасы первой французской революции захватом диктатуры представителями якобинского централизма⁹. Объяснение это, по-нашему, довольно поверхностно. Помимо обстоятельств борьбы революционной Франции против общеевропейской коалиции реакционеров¹⁰, главной причиной, породившей как якобинскую диктатуру, так и тогдашнюю систему террора, послужило страшное противоречие, существовавшее в эпоху первой революции, между *стремлениями* лучших демократов того времени, с одной стороны, и экономическим развитием Франции с соответствовавшими ему социалистическими тенденциями низших классов, с другой стороны. Наиболее искренние демократы смутно чувствовали, что революция идет не к установлению братства и равенства, о которых они мечтали; им казалось, что своей личной энергией и чрезвычайными средствами им удастся доставить немедленное торжество своим идеалам. А между тем, в сущности, в их собственных идеалах заключались начала, в корне противоположные тому царству всеобщего братства, к которому они стремились. И наперекор всей чрезвычайности их средств или, вернее, благодаря им, крайние демократы 1793–1794 гг. работали бессознательно прежде всего на пользу буржуазии и императорства¹¹. Тогдашний уровень социологических знаний и, в частности, развития истинно демократического миросозерцания (что зависело от чисто объективных условий) препятствовали крайним демократам видеть громадное противоречие между их радикальными тенденциями и господствовавшими в их собственной среде социально-экономическими воззрениями. Они не видели, что их социально-политическая программа внутренне противоречива, они не сознавали, что время господства крайней демократии тогда еще не настало, что она еще не достигла той ступени развития, на которой какая-нибудь социальная группа может по праву и с некоторым успехом овладеть монополией управления всеми делами страны. Всякая крайняя партия, очутившаяся, благодаря каким-нибудь временным обстоятельствам, в подобном положении, неизбежно должна прибегнуть к чрезвычайным средствам, вроде личной диктатуры своих вождей, чтобы как-нибудь удержаться на вершине власти. А раз вопрос об устройении человеческого блага перешел в исключительное ведение малочисленной группы идеологов-властителей, попытки решения его должны неизбежно сопровождаться такими ошибками, которые необходимо влекут за собой не только поражение этого идеологического меньшинства, но и компрометацию всей их партии и самого знамени его. Возвращаясь, однако, к нашему вопросу.

Если судить по антиеврейским беспорядкам, с одной стороны, и по различным проявлениям воззрений на нашу деятельность нашей революционной интеллигенции, между прочим, и по отношению к еврейским беспорядкам, с другой стороны, едва ли можно возлагать особенно розовые надежды на социально-политическую роль наших демократических слоев в ближайший к нам момент широкого политического движения. Возможно разграничить *minimum* или, если угодно, *maximum* осуществимых теперь практических требований от основных стремлений революционной демократий, – концентрация ее сил на борьбе за эти требования и на заложение прочной основы истинно народной партии, – таков, как мне кажется, предел того, что могут социалистиче-

ские элементы взять на свои плечи при настоящем состоянии своей силы. Но где искать высший критерий для более или менее точного определения наших принципиальных или практических задач? Критерий этот может заключаться, прежде всего, в учениях современного социализма. Я не хочу этим сказать, что он безусловно гарантирует нас от всяких бесплодных попыток, от грубых ошибок и промахов. При настоящем состоянии социалистических знаний никакая доктрина не может во всех частностях предохранять нас от ложных шагов. Но современный социализм, как совокупность понятий и воззрений, основанных на тщательном анализе исторического процесса развития человечества, заключает в себе указания и на современную русскую жизнь, и на преобладающую тенденцию ее социально-экономических сил; так как наша современность представляет собой уже пройденную передовыми народами фазу развития, то не от всевозможных ошибок и крайностей могут предохранить нас учения научного социализма, но они предохранят от очень многих и очень важных. Только партия, вполне усвоившая точку зрения современного социализма, сумеет возвыситься до такого ясного сознания своих основных тенденций и условий их осуществления, что не станет преждевременно брать на свои плечи задачу, далеко превышающую его силы и, ради немедленного достижения ее, пускаться на непозволительные компромиссы не только с враждебными народу элементами, но и с самой народной массой, когда она выступает как реакционная сила.

Только революционная партия, с ясным пониманием сущности научно-социалистического мирозерцания и его отношения к русской общественности, сумеет выбрать путь наиболее целесообразный для параллельного преследования maximum'a осуществимых при теперешнем положении вещей требований и подготовки сознательных элементов для осуществления основных задач социализма.

III. С этой точки зрения дело организации систематической пропаганды научного социализма, в связи с задачами и стремлениями русских революционеров, является теперь крайне насущным как необходимое средство для приготовления такого социально-революционного элемента, который своевременно мог бы выступить с определенной, строго последовательной программой как принципиальной, так и практической. Вооруженный определенной системой идей и ясным пониманием положения вещей, такой элемент оказался бы чрезвычайно полезным социальным фактором, если не как руководитель большинства крестьянских масс, то, по крайней мере, демократической интеллигенции и городских рабочих. Трудно рассчитывать на то, чтобы в ближайшем к нам общественном движении такая социалистическая партия могла приобрести влияние среди народных масс. Но уже чрезвычайно важно было бы приобретение такого влияния хотя бы только среди демократической интеллигенции и низших классов в городах. Из этих центров влияние ее хоть косвенным путем распространилось бы до некоторой степени и на крестьянскую среду, направляя ее на более или менее целесообразные пути при отстаивании своих интересов.

IV. Допустим, что и эти сравнительно умеренные надежды окажутся неосуществимыми в ближайшие годы. И это весьма вероятно ввиду все большего и большего выступления буржуазных инстинктов и стремлений нашей интеллигенции, для которой социально-политическое развитие рабочих и собственная социалистическая выработка все более и более отходят на задний план. Признавая крайне вероятным, что нам теперь уже не удастся подготовить к предстоя-

шему моменту падения абсолютизма очень влиятельную социалистическую партию¹², я все же нахожу настолько плодотворным дело, затеянное группой «Освобождение труда», что считаю прямой обязанностью искренних и сознательных социалистов всеми силами поддерживать ее. Прежде всего, очевидно, что для достижения когда-нибудь высших или даже средних ступеней влияния в обществе необходимо же когда-нибудь взобраться на первую ступень, преодолеть первые шаги на пути к приобретению значения руководящего фактора страны. Первым же условием для приобретения русскими революционерами когда-нибудь серьезного влияния на народные массы является, очевидно, помимо энергии и героического самопожертвования, ясное понимание ими самими теоретических основ современного социализма и своих практических задач в России как элементов, стремящихся к достижению идеалов социализма. Поднятие социально-политического сознания собственных передовых рядов до возможно высокой ступени развития – таков первый необходимый шаг, который должны преодолеть социалистически настроенные элементы наших революционеров, чтобы проложить себе дорогу к выдающейся роли в нашей общественной жизни.

С этой точки зрения едва ли возможно сомневаться в настоятельной необходимости организации литературной пропаганды социалистических идей по плану «Библиотеки современного социализма», если бы даже непосредственным результатом этой пропаганды в течение 3–4 лет было только образование контингента в 300–400 человек, более или менее серьезных, усвоивших социалистическое мировоззрение в его современной научной форме. Где же это видано, чтобы искренние и сознательные представители какой-нибудь общественной идеи складывали хоть на время руки в деле ее развития и пропаганды, раз у них нет осязательных шансов на завоевание ей к желательному ими моменту выдающейся роли в социально-политической жизни?

А раз мы признаем важность выработки последовательного социалистического мировоззрения, хотя бы только в меньшинстве наиболее демократической интеллигенции и передовых единицах рабочего класса, для образования у нас истинно народно-революционной партии в будущем, мы необходимо должны признать и своевременность такого предприятия, как «Библиотека современного социализма».

При некоторых, не очень больших, усилиях в Россию возможно будет доставлять разными способами если не тысячами, то по несколько сот экземпляров каждой брошюры или сборника. Таким образом, как развитые рабочие, так и социалистическая часть нашей привилегированной молодежи нашли бы в своем распоряжении материал для собственной теоретической выработки в духе современного социализма и в некотором смысле руководства в своей пропагандистской деятельности. Кроме того, не мешало бы иметь в виду и заграничную русскую публику, – студенчество и эмиграцию, – возрастающую чуть не и изо дня в день¹³. Хотя молодежь, пребывающая за границей, и не отделена китайской стеной, как на родине, от социалистического движения и литературы Запада, но она, однако, фактически, благодаря своим специальным занятиям, не имеет возможности по первоисточникам знакомиться с сущностью и ходом этого движения и его теоретической подкладкой. И для нее свод идей, понятий и фактов, составляющих основу и содержание социально-революционного движения Запада, в более или менее обработанном виде, в форме брошюр и статей, очень необходим как наиболее доступное средство для пополнения ее теорети-

ческого развития по вопросам социализма. Нужно ли еще доказывать, что и заграничный русский элемент, состоящий из многих сотен лиц, следует принять в расчет при обсуждении вопроса об организации систематической пропаганды, путем литературы, социализма? Такой вопрос казался бы просто странным для большинства французских или германских социалистов-революционеров. У нас же придется еще, вероятно, доказывать, что ведь масса наших добровольных и недобровольных изгнанников только временные гости за границей и что, при некоторой внутренней поддержке извне, многие из них вернутся на родину весьма ценными силами для нашего революционного движения.

Пора, однако, закончить свое уж чересчур растянувшееся послание. Прибавлю только ко всему вышесказанному еще одно, вероятно, очень странное для русского человека соображение в пользу «Библиотеки современного социализма». Она могла бы послужить почвою для выработки более или менее численно значительной литературной группы из сотрудников в России и за границей, группы, вполне слившейся по всем вопросам теории и практики социализма. А такая литературная группа, с несколькими сотнями солидарных с ней по направлению лиц, оказалась бы, в предстоящий момент широкого общественного движения у нас, ценной силой как умственный центр социалистически подготовленного ядра демократических элементов.

Таков minimum ожидаемых мною результатов от осуществления, при серьезной поддержке из России, предприятия группы «Освобождение труда». Откровенно сознаюсь, однако, что внутренне я ожидаю более значительных результатов. Кто знаком с историей образования политических партий, тот знает, какую силу может представить из себя в момент свободного общественного брожения группа в три – четыре сотни социально-политически развитых лиц, связанных между собой единством воззрений и солидарным с ним литературным персоналом. Непосредственное влияние этой группы может проявиться гораздо быстрее и значительнее, чем это может казаться теперь.

В заключение обращаю ваше внимание на следующее обстоятельство. Крайний демократизм нашей интеллигенции обуславливается в значительной мере тем гнетом, который лично ей приходится выносить под давлением абсолютизма. По всей вероятности, ее демократические симпатии явно улетучатся после падения абсолютизма, как это случилось с ней в Западной Европе. Удержать твердо значительную часть ее на почве теперешних ее социалистических тенденций возможно было бы только путем усиленной пропаганды теперь в ее среде учений научного социализма, потому что люди привилегированной среды могут в большинстве случаев серьезно предаться интересам народа только под влиянием усилий мысли и теоретических доводов. Но самая склонность ума работать в этом направлении, предрасположенность его, так сказать, к восприятию крайних демократических доктрин зависит от внешних обстоятельств. И в этом отношении теперешние обстоятельства, конечно, гораздо благоприятнее тех, какие настанут после избавления России от гнета абсолютной монархии. Вот почему я думаю, что именно теперь (а не после) следует употребить все усилия на организацию систематической пропаганды социализма в нашей интеллигентной молодежи. Упустить этот момент – значит совершить непростительную и едва ли поправимую ошибку. И это будет одна из тех ошибок в жизни общественных партий, за которые им приходится жестоко расплачиваться перед неумолимым судом истории.

Письмо к товарищам. [М., 1884]. Гектограф. Опубл.: Группа «Освобождение труда». Сб. 2. М.; Л., 1924. С. 88–102. Автограф не обнаружен. Публикуется по тексту брошюры.

Примечания

¹ Сразу после образования в сентябре 1883 г. группы «Освобождение труда» ее члены предприняли попытки завоевать на свою сторону революционные кружки в России, объяснив им необходимость разрыва с народолюбцами. С этой целью на родину был отправлен ряд писем. В этом ряду известно письмо Л.Г. Дейча к товарищам (см. док. 1). Со схожим посланием в Россию обратился и П.Б. Аксельрод. «Письмо» Аксельрода было размножено на гектографе московским «Обществом переводчиков и издателей», а тексту было предпослано следующее предисловие:

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Публикуемое нами «Письмо к товарищам» имеет совершенно частный характер и несколько не предназначалось автором его для опубликования. Публикуя его, мы руководствуемся следующими соображениями.

Много кружков и лиц на Руси, придерживающихся того взгляда, что нам, русским социалистам-революционерам, следует на время оставить всякую мысль о социализме, ибо история выдвинула для нас на первый план борьбу за политическую свободу. «Направляя все свои силы исключительно на борьбу с абсолютизмом, – говорят они, – лишь в этом случае нам удастся низвергнуть его и добиться таких политических условий, при которых нам возможно будет вести социалистическую борьбу». «Мы охотно, – прибавляют они, – позволили бы себе, "как роскошь", и социалистическую литературу – ведь мы по основным своим убеждениям социалисты, – но так как мы не имеем в своем распоряжении ни богатств Креза, ни армии Наполеона I, то вынуждены тратить свои силы по возможности производительней».

Мы надеемся, что публикуемое нами письмо если не убедит совершенно подобные кружки и лица в несостоятельности их взглядов, то, по крайней мере, заставит их задуматься о том, в каком именно случае мы как социалисты, хотя бы только «по основным своим убеждениям», тратили бы свои силы и средства производительнее.

К величайшей нашей радости, некоторые кружки сами сознали в последнее время всю необходимость серьезной социалистической литературы, доказательством чему может послужить появление литографированных статей Энгельса и Ланге, литографированной брошюры «Социализм и политическая борьба» Плеханова и т.п. Для этих-то кружков мы больше всего и публикуем это письмо. Оно укрепит в них зародившуюся мысль о необходимости, как для нашей революционной молодежи, так и для более интеллигентных рабочих, серьезной социально-политической подготовки, что, в свою очередь, обуславливает собою необходимость создания такой литературы, которая могла бы дать им эту подготовку. «Библиотека современного социализма» есть, по нашему мнению, именно такая литература, и мы надеемся, что вышеупомянутые кружки поспешат со своей поддержкой навстречу этому весьма и весьма полезному предприятию.

В заключение прибавим следующее: автор «Письма к товарищам» говорит в одном месте, что при некоторых условиях можно доставлять в Россию если не тысячи, то сотни экземпляров каждой брошюры. Мы со своей стороны можем прибавить, что это не предположение со стороны автора письма: усилия эти, как нам известно, уже сделаны, и есть возможность доставлять в Россию довольно часто сотни две-три брошюр.

В конце «письма» мы помещаем список книг, имеющихся в складе группы «Освобождение труда».

Москва
январь 1884 г.

Издатели.

«Общество переводчиков и издателей» действовало в Москве с осени 1882 по май 1884 г. Оно состояло в основном из студентов Московского университета и занималось изданием и распространением русской и зарубежной социалистической литературы. Активными его деятелями были В.Т. Распопин, П.А. Аргунов, И.Ю. Ворожейкин, П.В. Соколов и др. Они имели связи с группой «Освобождение труда», польской группой «Пролетариат», с заграничным центром «Народной воли» и с группой Д. Благоева. «Общество» издало произведения К. Маркса и

Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии», «Нищета философии»; сборники «Социалистическое знание» (Т. 1–3); работы В. Либкнехта, Г.В. Плеханова, П.Л. Лаврова, Л. Блана, Е. Дюринга, Ф. Лассалья. Литература печаталась в типографии Н.А. Янковской. В мае 1884 г. «Общество» было разгромлено полицией.

² См. прим. 4 к док. 1.

³ Напомню, что ввиду действовавшего в то время в Германии «закона против социалистов», последние были вынуждены печатать свои произведения за границей (сперва в Цюрихе, затем в Лондоне) и нелегально перевозить и распространять их в стране; центральный орган их «Social-democrat» также там печатался. – Прим. Л.Г. Дейча.

⁴ Очевидно имеется в виду съезд землевольцев-политиков в июне 1879 г. в Липецке.

⁵ Речь идет о переводе В.И. Засулич одного из первых произведений зрелого марксизма (1847). См.: Маркс К. Нищета философии: Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона / С предисл. и прим. Ф. Энгельса. Женева, 1886.

⁶ Смысл существования (фр.).

⁷ В центре политической жизни Ирландии 1880-х гг. была борьба за самоуправление в рамках Британской империи. При этом часть партии гомрулеров (сторонников автономии), напуганная размахом крестьянского движения, отошла от политической деятельности и сосредоточила свои усилия на культурничности.

⁸ Речь идет о еврейских погромах на Юге России весной 1881 г. и весной 1882 г. Народовольцы первоначально рассматривали погромы как начало широкого народного движения. П.Б. Аксельрод решительно выступал против такой оценки. Подробнее см.: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006. С. 65–68, 118–119, 131, 405–419.

⁹ Якобинская диктатура – апогей Великой французской революции (июнь 1793 – июль 1794 г.). Была установлена в результате народного восстания, приведшего к власти якобинцев (крайне левая политическая группировка, члены Якобинского клуба). В борьбе с политическими противниками якобинцы установили в стране систему террора.

¹⁰ С весны 1792 г. начались войны коалиции европейских государств против революционной Франции. В коалицию входили Австрия, Пруссия, Сардинское королевство, Англия, Нидерланды, Испания, Неаполитанское королевство и др. Первоначально французская армия в результате предательства части командного состава терпела поражения. Интервенты были остановлены революционными французскими войсками при Вальми в сентябре 1792 г. В первой половине 1793 г. французская армия вновь терпела поражения. Ее новые успехи были связаны с якобинской диктатурой.

¹¹ Имеются в виду якобинцы.

¹² Как видим, несмотря на свой скептицизм, П.Б. Аксельрод все же очень оптимистически смотрел на тогдашнее политическое положение: ему, очевидно, представлялось, что в ближайшем будущем наша страна добьется политической свободы. – Прим. Л.Г. Дейча.

¹³ Обращаю внимание, что это сообщение Аксельрода показывает, насколько мы были правы, когда при основании нашей группы рассчитывали на предстоящее увеличение контингента эмигрантов, о чем я сообщил в статье «Первые шаги группы "Освобождение труда"», в сборнике № 1. – Прим. Л.Г. Дейча.

1884

3

Л.Г. Дейч – В.И. Засулич

1884, 28 мая (9 июня)

С.-Петербург

Дом предварительного заключения¹

Милая, дорогая моя Саша²!

Только на днях получил позволение ответить тебе³ (я называю тебя здесь своей «невестой», п[отому] ч[то], может, когда-ниб[удь] и будешь моей «закон-